

Валери Альт

Призвание

18+

Валери Альт

Призвание

<https://litres.ru/74101614>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лирическая повесть о внутреннем пути актёра, прошедшего через боль утраты, разоблачение трагедии и мучительные поиски смысла. В центре повествования находится борьба героя с самим собой, осмысление вины и любви, превращение личной боли в творчество. Сквозные мотивы: диалог с прошлым, сила молчания и слова, хрупкая связь между людьми; особую интонацию тексту придают встроенные стихотворения, раскрывающие глубину переживаний героя, и отсылки к роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Содержание

Экспозиция	4
Завязка	29
Развитие действия	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Валери Альт

Призвание

Экспозиция

*Злых людей нет на свете,
есть только люди несчастливые.
М. Булгаков. Мастер и Маргарита*

I

Весеннее солнце медленно поднималось над горизонтом, ласково окутывая городской парк тёплым светом. Фотограф ожидал театрального критика на скамейке неподалёку от озера. Светлые волосы, тщедушное телосложение, высокий рост, бледность лица и голубые глаза делали его привлекательным, но легко теряющимся в толпе. Он пришёл на встречу с критиком для обсуждения деталей фотосессии молодой начинающей актрисы, несколько месяцев назад приехавшей в город в надежде осуществить свою мечту.

В назначенный час, около десяти часов утра, к скамейке

подошёл театральный критик и нарушил тишину утра сдержанным приветствием. Критик был невысоким, полноватым, смуглым мужчиной тридцати лет, с невзрачными чертами лица, особенно выделялся крупный нос с большими ноздрями. Его маленькие зелёные глаза имели способность проникать не только в актёрскую игру, но и в душу.

Критик добился своей популярности благодаря таланту уничтожать карьеры актёров. Острый ум и умение выслеживать малейшие ошибки на сцене он вознёс на пьедестал призывания. Он так умело разносил в пух и прах своими едкими рецензиями актёрскую игру, что после прочтения режиссёры ставили крест на том или ином актёре.

Следует отметить, не все актёры были плохи. Театральный критик скорее наслаждался разрушением чужих жизней с помощью искусства слова. С фотографом ему было скучно. Он надеялся, что деловая встреча займёт не более получаса, поэтому мысленно составил короткий план предстоящего разговора.

И фотограф, и критик были из разряда тех людей, которые знакомы, но друг другу никем не приходятся. Несколько лет назад окончили вместе одно учебное заведение, познакомились через друзей. Они могут узнать друг друга на улице и поприветствовать. Они могут выпить вечером в баре, но не вести душевных разговоров. Они могут назначать встречи, но каждый из них будет искать причину, чтобы в последний момент отказаться, договорившись перенести всё до лучших

времён. Такие времена, как правило, не наступали и никого этим не огорчали.

В то мгновение, когда товарищи принялись беседовать о предстоящей фотосессии, в парке появился молодой человек около тридцати двух лет. Он направлялся в их сторону быстрым шагом. Фотограф обратил на него внимание, и его взгляд застыл. Вдруг у него появилась непреодолимая жажда запечатлеть эти глаза, передать глубокую и неисчерпаемую боль потери.

Холод его глаз пробирал до мозга костей. Фотограф мысленно сравнил их с двумя глыбами льда на фоне небесных просторов. Острые скулы, будто высеченные из камня античных времён, придавали его лицу степенность и выразительность. В сочетании с тонкими губами, застывшими в полуулыбке, они создавали ореол загадочности. Его движения были мягки, но решительны, а в телосложении не было ни намёка на силу и гибкость. При виде такой фигуры, дорогой читатель, ты мог бы предположить, что она бросает вызов миру стандартов красоты, оставляя мягкий след андрогинности.

Критик поглядел на товарища с некоторым любопытством и догадался, о чём задумался молодой человек. Критик понимал, что фотографии для него – это больше, чем просто работа. Это дело жизни.

Фотографу неловко было поддерживать диалог с критиком, но всё же он негромко спросил, когда незнакомец про-

шёл мимо:

– Кто этот человек? – голос его прозвучал спокойно и мягко. – Мне показалось, мыслями он далеко, глаза не следили за внешним миром. Ты заметил, что они полны невыплаканных слёз?

Вопрос фотографа был произнесён внезапно, и критику пришлось поддерживать нелепый разговор:

– Да никто, – ответил он резко. – Местный чудак.

– Как его зовут? – с неподдельным интересом спросил фотограф.

Критик разразился ядовитым смехом, а когда перестал смеяться, сухо произнёс:

– Подойди к афише на остановке, – он небрежным движением указал в нужную сторону, – там и прочитаешь его имя.

– Неужели он актёр? – удивился фотограф и добавил: – И почему ты так странно смеёшься?

– Потому что он чудак, – повторил критик. – Меня смешит сам факт его существования. Вообрази, сегодня вечером он даёт своё последнее выступление и навсегда покидает сцену. Разве это не достойно смеха?

Фотограф не нашёл, что на это ответить. Немного помолчав, он заговорил вновь:

– Я много слышал о том, как ты сделал себе имя, и хочу спросить, не ты ли поспособствовал завершению карьеры этого человека?

– Что ж, не буду отрицать. В этом есть и моя заслуга, –

ответил критик с гордостью.

– Ты уничтожил его и радуешься? – недоумевал фотограф.

– Любовь его уничтожила. А я лишь констатирую факты, – холодно и безучастно проговорил критик. – Прощу, давай вернёмся к теме нашей встречи. Она меня интересует больше, чем этот убогий.

– Нет, погоди. Что ты имеешь в виду? – он продолжал смотреть в сторону молодого человека, который выбрал скамейку неподалёку от товарищей. Нельзя утверждать, что он мог слышать их разговор. Фотограф оказался прав – актёру не было дела до происходящего вокруг.

Критик закатил глаза и заговорил с нотками иронии:

– Он возомнил себя мастером, а её Маргаритой, – его монотонная речь звучала так, слово давно заученная. – Он отказался от своего имени и теперь называет себя просто актёром. Я не отрицаю, что он талантливый. Его игрой восхищались. Он был богом на сцене. Он умел перевоплощаться в разные роли с такой лёгкостью, что многие коллеги ему завидовали. Когда его величие сошло на нет, настал мой час, – критик улыбнулся, но не глазами. – Вот и возникает вопрос, что его погубило: мои слова или любовь?

– Что ты знаешь о любви? – продолжал фотограф, удивляясь хладнокровию критика.

– Для меня это слово ничего не значит, – проговорил он тоном, давно познавшего этот мир человека и разочаровав-

шегося в нём. – Я придаю значение деньгам. Многие девушки спят со мной, когда узнают, кто я и сколько зарабатываю. Актриса, из-за которой мы сегодня встретились, находится со мной в близких отношениях, но не оттого, что любит, а потому, что я пообещал ей безупречную репутацию и славу. Как видишь, я уничтожаю не всех, а только конкурентов. Да, о любви я, пожалуй, ничего не знаю. В актёра влюблялись не из-за его славы, не из-за денег, не из-за бизнеса его отца. В него влюблялись потому, что он красив и обаятелен. Он не утратил человечность, несмотря на всеобщую популярность. Это тот случай, когда деньги не портят человека. Я же знаю, что никогда не стал бы привлекательным настолько, чтобы каждая девушка мечтала быть моей, поэтому в таком случае деньги мне приносят разного рода удовольствия. Девушки закрывают глаза на то, что я не принц. Я никогда не знал истинной любви. А ты?

– Единственная моя любовь – это искусство. Искусство видеть красоту, любовь, радость, боль, трагедию. Мне захотелось сфотографировать это лицо. – Фотограф старался поймать и удержать в кадре не только яркость личности, но и душу. Он не мог объективно оценивать то, что делает, и надеялся, что другие его рассудят, назовут его работы шедеврами. – Я, как мальчишка, верю, что показываю миру непостижимую красоту искусства.

– Боюсь, невозможно сфотографировать данный объект, – свысока сказал критик, – потому что актёр больше не даёт

интервью, избегает журналистов и публики.

– Но ты сказал, что сегодня у него последнее выступление, – почти с угасающей надеждой проговорил фотограф.

– Да, верно, – он усмехнулся. – Моноспектакль «Мастер» по мотивам его любимого романа. Я настолько циничен, что вижу в этом жесте пиар, рекламный ход, маркетинг. Называй, как тебе угодно. Он был сброшен с карьерной лестницы. Кто знает, может быть, он таким образом привлекает внимание. Набегут его фанаты, будут умолять остаться и после ста миллионов просьб он согласится. Это не первый случай в истории нашей эстрады, когда звезда объявляет об уходе со сцены, даёт прощальный концерт, а потом ещё лет двадцать с этой сцены её не удаётся убрать, чтобы дать дорогу молодым и талантливым.

– Но ведь он ещё молод, – произнёс фотограф с грустью.

– Ах, этот. Я не знаю, чего он добивается, – заключил критик.

– Я бы хотел сходить на его выступление, – решительно сказал фотограф. – Такое лицо, такие глаза не должны проходить мимо нас. Они напоминают нам о страданиях.

Критик снова засмеялся:

– Ну вот, начинается какая-то проповедь...

– Далеко не все люди такие, как ты, – сплошное легкомыслие и гордыня.

Слова фотографа ударили по самолюбию критика, однако он вовремя сумел надеть привычную маску равнодушия и не

выдать истинных чувств:

– Я наслаждаюсь жизнью. У меня есть всё: работа, деньги, уважение.

– Но нет в тебе ни любви к ближнему, ни к этой жизни, ни к тому, что ты делаешь! – фотограф вскочил со скамьи, не в силах больше сдерживать эмоции.

– Думаю, смогу пережить, – так же монотонно и безэмоционально ответил критик. – Посмотри ещё раз на то лицо, которое теперь страдает из-за любви, – он взглядом указал в сторону актёра.

– Что ты о нём знаешь? – неожиданно спокойно спросил фотограф и сел на своё место, осознав, что его порывы несколько мгновений назад были лишними.

– На самом деле я знаю немного. Его отец был местным бизнесменом в сфере недвижимости. Он умер около года назад от сердечного приступа. С сыном часто ссорился из-за того, что некому было передать дело. После его смерти актёр продал компанию, так как планировал переехать в другой город со своей девушкой, где бы они вместе смогли продолжить работать и развиваться. Но девушка была убита во время их совместного выступления.

– Да! – снова забыв приличия, вскричал фотограф. – Я об этом читал. Значит, он тот самый актёр? Какая трагедия!

– В этом я соглашусь с тобой.

– Насколько я помню, преступник скрылся, – неуверенно сказал фотограф.

– Так и есть, – подтвердил критик и продолжил говорить.
– Актёр искал его долго, но всё было напрасно. Он подключал связи отца, полицию, находил свидетелей. Фоторобот не принёс результатов. И дело решили закрыть.

– Мотив? – вопрос фотографа прозвучал почти глухо.

– Сошлись на версии, что какой-то одержимый был влюблён в его девушку. Следил за ней, оставлял записки с просьбой о свидании. Он хотел убрать соперника, но промахнулся. Теперь актёр вынужден с этим жить. После её смерти он отказался играть, тогда я написал несколько рецензий.

– Но зачем? – недоумевал фотограф. – Он и без того был убит.

– Во-первых, это моя работа, – как бы оправдываясь, сказал критик. – Во-вторых, я считаю, что у человека всегда есть возможность вернуться из бездны, насколько бы она ни была глубока. В-третьих, мой дорогой друг, в жизни нет места мыльным операм.

Оба сидели несколько минут молча, пока фотограф не заговорил вновь:

– Ты сделал это ради тщеславия. Я рад, что у нас разные моральные принципы. Прошу тебя об одном: достань билеты на его вступление, и давай сходим вместе, – впервые с мольбой произнёс фотограф.

– Хорошо, я найду билеты, – неохотно и сквозь зубы проговорил критик. – Но для начала давай где-нибудь пообедаем. И всё-таки продолжим говорить на тему, которая волну-

ет меня, – он постарался придать своему тону добродушие.

– Слышал фразу: время – деньги?

Его собеседник усмехнулся, ответив:

– А ты слышал, что к искусству это неприменимо?

Критик пожал плечами и спросил:

– А что относится к искусству?

– Бессмертие, – на этот лаконичный ответ критик не стал реагировать, боясь, что дискуссия вновь может затянуться.

Фотограф и критик поднялись со скамейки и направились в сторону ближайшего кафе. Когда они проходили мимо актёра, взгляды всех троих на миг сошлись. И у каждого из них возникли разные чувства глубоко внутри, объединённые ощущением собственной пустоты. Фотограф затаил дыхание на несколько секунд, критик отвернулся, а сам актёр, скорее всего, не придал этой встрече никакого значения. Его интересовала линия горизонта, за которой он хотел бы найти смысл.

«Ars longa», – заметили в древности,

Когда возводили скульптуры...

Иные же в век повседневности

Алтарь украшают фигуры.

Оставить свой след в соцсетях –
Вот высший триумф поколения.
Что в инфантильных сердцах?
Дешёвые фотовложения.

Не в силах понять красоту,
Давно заключённую в мрамор.
Души и ума пустоту
Закроем цветным аватаром.

Вернётся январь, и не раз
Растает зима незаметно.
Секунду, минуту и час
Живём мы красиво – бесцветно.

И память страничку сотрёт –
Бессмертия многим хотелось.
И к чёрным футлярам придёт
От смерти конверт – «Vita brevis».

II

Разбитые дороги нашей грустной страны соединяют

огромное количество небольших и малоизвестных городов, где время отличается от столичного и течёт медленнее, давая возможность почувствовать его ход. В одном из таких городов жил молодой человек, мечтавший с юных лет стать актёром. Как мы поняли из разговора критика и фотографа, он был сыном уважаемого и успешного местного бизнесмена, который придерживался мнения, что актёрство – это не благородное и не прибыльное занятие. Узнав о стремлениях сына, он пришёл в ярость.

– Каким образом, скажи мне, ты решил стать актёром? Это же бесполезное занятие! – кричал он за закрытыми дверями своего кабинета, когда молодой человек сообщил, что собирается подавать документы на факультет актёрского мастерства.

Отец находился рядом с письменным столом, желая опереться на него и схватиться за сердце, но в последний момент отдёнул руку. Он был высоким мужчиной с тяжёлыми плечами и руками, которые жили собственной жизнью в мире, где можно было отдавать приказы и распоряжения одними жестами. На лице его, в молодости открытом и энергичном, теперь поселились следы усталости – годы брали своё, что отражалось в глубоких складках у рта, в жёсткой линии скулы и в застывшей тяжести ответственности в серых глазах.

Несмотря на своё положение, он крайне редко повышал голос, но в минуту разговора с единственным сыном слова дрожали от первобытного страха, что его ребёнок ломает не

только свою жизнь у него на глазах, но и разрушает тот идеальный план на беспечное будущее, который был продуман до мелочей в момент его рождения.

Юноша стоял у окна, впиваясь пальцами в подоконник и желая заглушить душевную боль физической. Сверху вниз он смотрел на равнодушный к его мечте город. Победив раздражение, он повернулся к практически единственному родному человеку на этой земле с надеждой быть услышанным. Быть понятым.

– Папа, я люблю театр. Хочу жить в мире искусства. Хочу показывать людям эмоции и чувства. Это ведь счастье... – он начал было говорить, словно оправдываясь за свои стремления, но отец перебил его:

– И в чём, скажи мне, это счастье?! В твоей бедности? – мужчина выкрикивал риторические вопросы. – Тебе нужно понимать, что это мимолётное увлечение театром не принесёт тебе никакого дохода. Ты будешь нищим! – немного помолчав и сделав тон мягче, он добавил: – Пойми ты: я тебе не враг. Я желаю тебе добра!

– Желаеть добра? Тогда услышь меня! Для меня главное не деньги, а любовь к искусству, – настаивал на своём молодой человек. В тот миг голос его прозвучал твёрже, чем он сам себя чувствовал.

– Я не могу позволить тебе заниматься этим! – заключил отец и ударил ладонью по столу.

– Я сам могу принимать решения, пусть они не нравятся

тебе, – для отца эти слова не были показателем того, что сын понимает, о чём говорит. Для отца услышанное стало необратимой катастрофой.

– Ты слишком молод, чтобы принимать какие-либо решения по поводу будущего. Что за юношеский максимализм? – отец старался сделать тон не таким суровым и властным. – Ты говоришь со мной так, будто я не хочу, чтобы ты был счастливым. Но это не так. Для меня важно, чтобы у тебя было нормальное обеспеченное будущее.

От обиды непонимания молодому человеку хотелось выкрикнуть, что «нормальное» для отца и «счастливое» для него – это разные полюса, которые никогда не пересекутся. Но вместо этого он сжал кулак настолько сильно, что ногти впивались в бледную кожу ладони, и тихо произнёс:

– Мне жаль, что ты не можешь понять меня. Жизнь может быть интересной и наполненной смыслом, но только в том случае, если делаешь то, что любишь, – он вышел из кабинета, хлопнув дверью.

С тех пор молодому человеку приходилось ежедневно отражать атаки отца. Он чувствовал, как жизнь его перебралась на минное поле, где каждый неверный шаг мог стать последним. В такие моменты ему казалось, что весь мир настроен против него, но он не отрекался от своей мечты. *В поединке с отцом не было победителей. К сожалению, родители забывают о том, что дети им не принадлежат и что у них есть собственная воля, так часто не совпадающая*

с волей старших. И этот конфликт вечен не потому, что дети желают отличаться от своих родителей, а потому, что они изначально рождены другими людьми. И формирует их другая обстановка. Разве не эгоистично прожить и свою жизнь, и жизнь своих детей? Благие намерения родителя непременно будут дорогой в ад для его ребёнка.

Как только появилась возможность начать жить отдельно от отца, молодой человек съехал. Он устроился помощником редактора и снял маленькую комнату над уютной бакалейной лавкой, где пахло любимым кофе, и каждое утро, открывая окно, вдыхал этот запах как обещание долгожданной свободы. Юноша знал свыше, что актёрство – его призвание, способ проявить себя, дарить радость, показывать печаль и выражать отчаяние без слов. С помощью жестов. С помощью взглядов. *Не каждому дано превращать боль в искусство. Жизнь непредсказуема и не даёт никаких гарантий в уверенности завтрашнего дня, но у каждого должна быть возможность совершать собственные ошибки. Только в таком случае мы способны стать индивидуальностью. Был бы в жизни смысл, если бы при рождении каждому выдавалась расписанная инструкция?* Юноша верил в одно: только на театральной сцене одновременно можно быть кем угодно и оставаться собой.

Отношения с отцом стремительно ухудшались. Молодому человеку пришлось сократить их общение до минимума: звонки – по праздникам, сообщения – сухие фразы по типу:

«Нормально», «Понятно», «Пока». Начав играть свои первые эпизодические роли, актёр надеялся, что со временем отец сможет смириться с его выбором пути. Но тот отказывался приходить на спектакли. Он не видел сына на сцене. Не читал рецензий о нём. Молчание отца было большее тысячи резких фраз. *Когда люди кричат друг на друга, они хотят быть услышанными, хотят прийти к какому-нибудь компромиссу, пусть и банальному. А за молчанием скрывается равнодушие.*

Актёр научился жить с мыслью, что отец никогда не примет его самовыражение через искусство. Не важно, насколько он будет известен и талантлив, для отца он навсегда останется тем, кто выбрал «не тот» путь. Каждый раз, выходя на сцену, он забывал о конфликтах, оставляя все обиды и сомнения за кулисами. Он был рад тому, что существовало в мире место, где он важен и нужен, где он может быть испытывать весь спектр эмоций, где он может говорить с другими через взгляд, через паузу, через дрожь в голосе. Название этому миру – сцена. Она стала его личным убежищем в равнодушном городе. Его личной исповедальней.

Каждый день жизнь готовит для нас новые испытания, и только единицы справляются с ними успешно. Спустя десять лет непростых взаимоотношений его отец столкнулся с кризисом. Бизнес, который казался нерушимым титаном, начал давать трещины. Росли долги, уходили партнёры, а тот, кто знал, как жить правильно и кто ещё вчера чувствовал себя

хозяйном жизни, всё чаще оставался один на один с тишиной в своём рабочем кабинете. Мог ли он признать собственную уязвимость? Мог ли набрать номер сына и сказать всего одно слово? Сын, которого он так старался уберечь от «пустой» мечты, был на афишах города. О нём говорили. Про него писали. На его спектакли ходили. И главное – его любили.

Чем громче были аплодисменты в его адрес, тем тише становилось в мире бизнеса его отца. Чем выше его возносили на пьедестал славы, тем ниже падал его отец. Его смерть была мгновенной. Он ушёл из жизни от сердечного приступа, оставив после себя не только долги и незавершённые сделки, но и тяжёлое ощущение недосказанности. *Нам не дано знать час прощания души с телом. А если бы знали? Могли бы искренне и без сожалений попросить прощания у близких?*

Отец актёра так не смог понять самоотверженную страсть к сцене. Молодой человек остался жить с мыслью, что самое важное они так и не сумели сказать друг другу. В невыносимые минуты отчаяния сцена по-прежнему оставалась для актёра тем прочным якорем, который помогал держаться на плаву даже в моменты, когда он сравнивал себя с затерявшимся фрегатом в самом центре бушующего урагана. Сцена не забирала его боль, но помогала превращать её в произведение искусства и тем самым находить отклик в сердцах людей.

После смерти отца, кроме сцены, актёра удерживала в этом мире любовь. Не то абстрактное понятие, о котором

можно часами рассуждать, а живая любовь к той, что понимала его с полуслова и полувзгляда. С ней не нужно было притворяться и играть роли. С ней он был мальчишкой, желающим быть услышанным. И до поры до времени она слышала его. Ради неё он просыпался каждое утро. Готовил завтрак. Продолжал выходить на сцену. Он дышал рядом с ней по-настоящему, а не через кислородную маску. Однако ещё задолго до нашей эры философ сказал, что всё течёт и всё меняется.

Поднялся я на грязные подмостки
Играть меланхоличного шута.
Аплодисментами отравлен воздух,
И петли въёт на шее тошнота.

О, красный цвет – палящий и чужой!
Мой антипод наряжен в сей костюм.
И серебристый смех – кошмар ночной,
Легко переходящий в белый шум.

Две маски надеваю на лицо,
Две крайности из снега и огня.

Я стал одним из чудаков-глупцов,
Что грим на душу могут обменять.

Как Арлекин, активен, эксцентричен,
Я весел и умён в любых цветах.
Но, как Пьеро, нелеп, смешон, трагичен —
Мечта о счастье потерпела крах.

III

Его девушка обладала безупречными чертами и редкой тихой красотой. Не было в этой красоте ни высокомерия, ни пошлости. Привлекательная, высокая и стройная, с изящными, но в то же время простыми манерами. Каждый её шаг по этой грешной земле был без оглядки на собственную грацию. Иногда на скорую руку она собирала русые волосы в небрежный пучок, а две или три выбившиеся пряди лишь подчёркивали мягкость её черт. А цвет её глаз... Актёр часто обращал внимание именно на это зеркало души. В её глазах он видел небесную, почти прозрачную даль ясного весеннего дня. Длинные тонкие пальцы явно не были созданы для грубой работы. С их удивительной чуткостью они могли касаться к клавишам или переворачивать страницы любимых книг. Его девушка была из тех немногих людей, чья внеш-

ность идеально гармонировала с внутренним миром. В ней не было надрыва и разлома. Она не стремилась выглядеть загадочнее, чем была.

Актёр часто ловил себя на мысли, что наблюдает за ней украдкой. Он замечал, как она поправляет волосы, как нервно покусывает нижнюю губу перед выходом на сцену, как она замирает на долю секунды перед репликой. Ему казалось, что он улавливает стук её сердца.

Они познакомились на репетиции «Сонаты призраков». Он уже был признанным актёром, а она – без пяти минут выпускница театрального, для которой этот спектакль стал первой серьёзной работой. Так вышло, что актёра назначили её наставником. Поначалу он почти не обращал на неё обыкновенного внимания, не говоря уже о романтическом интересе. Для него она была одной из немногих начинающих учениц. Она легко терялась на фоне более ярких характеров. Да и сам он в тот период жил в другом мире: у него были длительные отношения и планы. Актёр был уверен в скорой свадьбе и в том, что его жизнь идёт по верному сценарию, ведь именно эта девушка поддерживала его после смерти отца. Именно в её объятиях он находил утешение. Именно без неё невозможно было дышать.

Что касается молодой актрисы, то она смотрела на него с восхищением, как на мечту, которая никогда не станет явью, но о которой приятно думать. Она была уверена в том, что он слишком идеален и далёк от неё. Порой ей казалось, буд-

то его душа заблудилась в пространстве и времени: телом он был здесь, в репетиционном зале, но глазами – своей душой – он был в другом измерении, в мире тишины, в мире без софитов. Именно это и привлекало в нём – его отрешённый от мира взгляд. Иногда она представляла его рыцарем из средневековых баллад. Тем, кто готов защитить честь дамы сердца. В такие минуты она ловила себя на мысли, что завидует той, другой девушке, с которой он продумал своё будущее.

Наши мысли не застывшая материя, они способны менять направление. Однажды актёр явился на репетицию словно чужой. Опустошённый, бледный, с покрасневшими от бессонницы глазами, он привлёк внимание коллег. Каждое его движение требовало невероятных усилий для поддержания видимости живого, а не механического начала. Его привыкли видеть душой компании. В другие дни актёр шутил и подбадривал, был весёлым, но в то утро он молчал, ни с кем не заводил разговор. Если кто-то обращался к нему, он отвечал односложно, резко, почти грубо. Из-за витавшего в воздухе напряжения с ним старались не заводить лишних разговоров.

В конце дня молодая актриса тихо постучала в дверь его гримёрной. Внутри стоял запах пыли, декораций и едва уловимый горьковатый аромат одеколона. Актёр сидел перед зеркалом, уставившись в одну точку. Его интересовало не собственное отражение, а нечто запредельное. Было ясно: сегодня он не торопится домой, как это случалось прежде.

– Привет, – мягко произнесла она, стараясь скрыть дрожь волнения в голосе.

Актёр повернул голову к ней, скользнул по ней небрежным взглядом, словно узнавал с трудом, и тихо, сдавленно ответил:

– Привет. Мы вроде сегодня уже здоровались.

– Мне показалось, тебя что-то тревожит весь день, – сказала она, сделав шаг вперёд и сразу же остановившись. – Ты сегодня не такой, как обычно. Я... – она замолчала и, собравшись с духом быстро произнесла, – я обеспокоена твоим состоянием.

Говоря это, она тихо подошла и коснулась пальцами его плеча. Это было лёгкое, почти невесомое, но достаточно смелое прикосновение.

– У меня всё в порядке, – ответил актёр, но её чуткость настаивала на обратном. Его голос был слишком неубедителен.

– Почему-то я тебе не верю, – тихо сказала она.

После этих слов внутри него что-то надломилось.

– А я и не прошу верить мне! – резко, почти со злостью выкрикнул он. В глазах, которые она привыкла считать ангельскими, вспыхнула неудержимая злость.

Она отступила на шаг, прижав руку к груди и сдерживая подступающие слёзы. Но не отвернулась. Она смотрела на него с упрямой преданностью. И эта преданность была выше колких фраз.

– Прости меня, – выдохнул он, и его голос стал мягче и беззащитнее. – Не знаю, что на меня нашло. Я не хотел тебя обидеть.

– Я понимаю, твоя жизнь – это не моё дело, – она старалась говорить спокойно, но голос всё равно подрагивал, чего нельзя было не заметить. – Но мне хочется помочь. Поговори со мной. Вдруг станет легче?

Он попытался улыбнуться, и за этой улыбкой на мгновение промелькнул образ человека, которого она знала. Улыбка коснулась не только губ – в его светлых, но уставших глазах она увидела знакомый блеск. Эти глаза снова были рады её видеть.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Давай попробуем поговорить. Только без чашки кофе здесь не обойтись.

– Я могу сходить, – сказала она.

– Нет, – твёрдо, но мягко остановил он её. – Ты пока присаживайся. Я сам. Скоро вернусь, – отдав столь ласковый приказ, он вышел из гримёрной.

Она осталась в полумраке комнаты. Несколько минут по протяжённости напоминали вечность. Молодая актриса села на край стула, теребя край рукава и прислушиваясь к каждому звуку за дверью. Актёр вошёл с двумя картонными стаканчиками латте из автомата.

– Это не самый лучший кофе на свете, – усмехнулся он, ставя один стаканчик перед ней. – Но для моей истории сойдёт.

Затем он выдвинул ящик стола, покопался там и достал оттуда начатую бутылку коньяка.

– Если ты не против, я добавлю это в кофе, – сказал он с некоторой долей вины.

– Пожалуйста, – тихо ответила она. – Если тебе так будет проще...

– Да, – кивнул он, наливая немного янтарной жидкости в кофе и помешивая ложечкой. – Ты права. Можно было обойтись и без кофе.

Эти слова заставили её улыбнуться сквозь волнение. Но улыбка задержалась на губах ненадолго. Актриса понимала, как тяжело ему даётся выговаривать каждое слово, как он собирается с силами, чтобы начать рассказ. Ей хотелось знать, почему сегодня он такой странный. И это явно не из-за его параноидальной роли.

Актёр сделал глоток и поморщился – резкий вкус коньяка полностью заглушил аромат кофе, оставив лишь горькое послевкусие.

– Я не знаю, с чего начать... – признался он, опуская глаза.

– Начни с начала, – мягко сказала она и, стараясь расположить его к разговору, взяла его ладонь в свои руки. Его пальцы были холодными и напряжёнными, но под этой напряжённостью пряталась обыкновенная уязвимость.

Актёр тяжело вздохнул, поднял глаза и посмотрел прямо на неё. Он посмотрел так, будто только сейчас по-настоящему её разглядел. Медленно и с чувством стыда он начал рас-

сказывать о событиях вчерашнего вечера.

Популярность – изменчивый фактор.
Я взлетел высоко к небесам
И во время случайных антрактов
Доверялся немым зеркалам.

Запылённые образы в них
Рассыпались в глухую печаль,
С алтаря тех высот голубых
Я упал, как ненужный Грааль.

Искалечились ткани и клетки,
Постарело на годы лицо,
На душе и ладонях отметки
Поражения стали венцом.

Как же впредь я актёрствовать буду?
Улыбаться тщеславно толпе?
Поднимусь – да... Но разве забуду,
Как разбился, отдавшись тебе?

Завязка

I

Их разговор длился больше четырёх часов. Поначалу мысли актёра путались, слова спотыкались друг о друга, не находя пути к сути, да и сам он терялся в своём потоке сознания. Но чем дольше он говорил о своих чувствах, тем ровнее становилась речь. Каждое сказанное слово тяжёлым камнем падало с израненной души. Постепенно молодая актриса начала понимать, что произошло вечером.

Актёр вернулся домой, где его ждала та, другая, с которой он жил. Открыв дверь, он почувствовал запах жареной курицы, который витал в прихожей. Это было непривычно в его квартире: всегда готовил он. Звук захлопнувшейся двери заставил её выйти из кухни. Она смотрела на него, прислонившись плечом к косяку и скрестив руки. Каштановые волосы были собраны в хвост, из которого выбивались упрямые пряди. Тёмные, почти чёрные глаза, смотрели настороженно. Актёр мысленно сравнил её с хищным зверем, который либо ждёт удар от врага, либо сам готовится к атаке.

Он поприветствовал её и поцеловал, как это случалось каждый вечер после театра. Но поцелуй вышел скорее инертным, похожим на привычный бытовой жест.

– Я приготовила для тебя ужин, – произнесла она, ожидая слов благодарности.

– Спасибо, – ответил он с некоторой неловкостью. Готовить она умела, но делала это крайне редко, и сам этот намёк на заботу показался ему странным. – Знаешь, я пока не голоден. Давай поужинаем позже.

Актёру хотелось побыть в тишине хотя бы полчаса. Он без сил свалился на диван и прикрыл глаза, чувствуя, как сцена, которую он играл весь вечер – отравление молодой жены, – всё ещё цепляется за его сознание. Он хотел сначала снять с себя липкую роль Арбенина, смыть её по возможности, приняв расслабляющий душ, а потом уже заниматься бытовыми обязанностями.

Но она не дала ему этого сделать, устроив скандал мирового масштаба.

– Ты не хочешь есть то, что я приготовила? – в её голосе дрожала обида, тонкая и острая, как лезвие.

«Начинается...» – пронеслось в его голове. Он посмотрел в её сторону, но промолчал. Слова сейчас были ни к чему.

– Ты уже с кем-то поужинал? Кто она?! – не успокаивалась другая.

Актёр стиснул зубы от того, что их начало сводить ноющей болью. Он знал её интонации наизусть и понимал, что

это не выражение ревности, а обыкновенная провокация. Она произносила похожие фразы почти каждый вечер, будто проверяя на прочность его нервную систему. Лёжа на диване и закрыв глаза, он втайне надеялся, что, если не станет реагировать, она быстро успокоится, а после они спокойно поговорят как цивилизованные люди. Что ж, сквозняк способен потушить свечу, однако в случае моего героя получилось раздуть пламя из ничего.

– Почему ты со мной не разговариваешь? – спросила она, подходя ближе.

– Потому что я устал, – голос его прозвучал суше, чем хотелось. – Неужели ты не понимаешь?

– Ты устал от меня? – продолжала она, и её глазах выражали знакомое отчаяние, которое всегда заставляло его чувствовать себя виноватым, даже когда он ни в чём не был виноват.

– Нет, – он терпеть не мог этих вопросов. – Я устал на работе. Мы репетировали сложную сцену: убийство моей жены.

Она застыла на мгновение, словно произнесённые слова были обращены к ней, а затем в её бездонных чёрных глазах вновь мелькнуло нечто хищное. Это была её истинная сущность, готовая вцепиться в его ещё живую душу.

– Да, постельные сцены со шлюхами очень сложные!

Эти слова электрическим разрядом прошли сквозь его сознание. Актёр резко вскочил с дивана и в один шаг оказался

перед с ней. Схватил её за плечи, оттолкнул к стене и был готов вцепиться в горло. Он держал её так крепко, без малейшей возможности вырваться. Казалось, ещё немного и он сломает её кости. Его лицо находилось так близко, что он видел, как расширяются её зрачки, как предательски дрожит тонкая жилка на её шее. Вид у него был устрашающий, и он сам это понимал. В глазах, которые она когда-то называла добрыми и которые любила, сейчас читалась жестокость – та самая, которую она разжигала в его душе на протяжении последнего года.

– Ударить меня? – прошептала она сдавленно, и в этом шёпоте была как горечь, так и желание физической боли, что на долю секунды ему стало не по себе. – Конечно, ты же привык к таким отношениям. Нравится унижать меня?

Каждая её фраза эхом звучала в висках, превращая его, чуткого и ранимого человека с тонкой душевной организацией, в раненого зверя с первобытными инстинктами, отчаянно цепляющегося за жизнь. В тот миг ему хотелось причинить ей такую же нестерпимую боль, какую она причиняла ему изо дня в день. Однако другая сторона его личности – та, которая с детства знала, что нельзя бить слабых, в особенности женщин, та, что была воспитана в уважении к другим и в духе христианского смирения, – на мгновение одержала верх. Хватка ослабла. Он с гордостью принял эту первую пощёчину. В голове промелькнули любимые слова его бабушки: *«Относись к другим так, как хочешь, чтобы относились*

к тебе».

– Прекрати нести чушь, – сказал он ровно, стараясь вернуть контроль над собственными эмоциями. – Я просто хочу отдохнуть. Можно?

Он отпустил её и вернулся на диван, слыша своё учащённое сердцебиение. Она смотрела на него, и глаза её наполнялись слезами. Злыми слезами, готовыми вырваться вместе с криком.

– Вот и отдыхай от меня, – голос её дрожал. – Больше я тебя не побеспокою. Трахайся со своими сценичными шлюхами!

С этими словами она достала из шкафа чемодан и начала швырять в него свои вещи. Движения её были резкими, почти судорожными. Казалось, если она остановится хотя бы на секунду, то расплечется по-настоящему. Одна из его моральных пыток – видеть женские слёзы.

Актёра накрыла новая тяжёлая волна ярости. Он метнулся к ней, снова схватил за плечи, впиваясь пальцами в ткань её свитера.

– Тебе самой не надоело каждые два дня устраивать эти сцены?! – голос его сорвался на крик. – Прекрасно знаешь, что я устаю в театре. У меня психологически сложная работа. К тому же приходится постоянно взаимодействовать с людьми. Можно мне приходить домой и наслаждаться спокойствием и тишиной рядом с тобой? Где всё это? Где то, что ты обещала?!

– Теперь ты говоришь, что я тебя не устраиваю. Ищи другую, – она смотрела на него снизу вверх, и её тёмные глаза были наполнены обидой и страхом. Страхом, что на этот раз он не отступит и причинит ей боль.

– Это твои слова. Прекрати переворачивать мои! Зачем ты мучаешь меня?

Каждая клеточка его тела наэлектризовалась до предела, и этот отчаянный ток бил по всем его органам.

– Ты не понимаешь, что мне скучно находиться дома одной, – вдруг тихо сказала она, голос её стал беззащитным. – Когда ты возвращаешься, то ужинаешь и ложишься спать. Утром ты уходишь снова, оставляя меня. А я нахожусь здесь и слушаю тишину. Мне становится страшно от этой тишины. На протяжении всего дня я здесь одна, а ты окружён другими людьми. Ты весело проводишь время. Ты развлекаешься!

Он замер, слушая её. Однако вместо сочувствия, которого она ожидала, в его глазах мелькали усталость и раздражение, заглушившие проблеск понимания.

– А, я понял. Тебе не хватает сцен, – бросил он с горькой усмешкой.

С этими словами он уверенно направился на кухню. Через несколько секунд вернулся с ножом. Лезвие тускло блеснуло. Это был новый нож, купленный два дня назад.

Она отступила, прижавшись спиной к стене, и прошептала, едва дыша:

– Ты убьёшь меня?

– Тебя? – он снова усмехнулся. – Что бы ты ни делала с моей душой, я никогда не причиню тебе физического вреда.

Сказав это, он резким движением расстегнул пуговицу на рукаве рубашки, подвернул ткань до локтя и занёс нож над обнажённой рукой. Всё произошло так стремительно, что она не сразу поняла его действий. Ей казалось, что лезвием ножа он просто рассекает воздух. Но затем на полу появились крупные алые капли. Такие падают на дорожную пыль во время грозы. Они капали медленно, одна за другой, и каждая из них превращалась в точку невозврата.

Увидев кровь, она очнулась. Выхватила нож из его руки и отбросила его в сторону. Затем начала жадно и отчаянно целовать лицо, глаза, губы любимого человека. *Старалась ли она таким образом стереть из памяти то, что только что произошло?*

– Зачем? Зачем ты это сделал? – повторяла она сквозь слёзы. – Этим ножом ты провёл по моему сердцу.

Актёр стоял неподвижно, его охватило состояние шока и оцепенения. Боли он не чувствовал. Ощущал лишь биение сердца, готового вырваться из груди. Он видел, как на белом ламинате появляется всё больше красных пятен. С детства его пугал вид крови, но в ту минуту его жизни безразличие завладело сознанием, и ему казалось, что теперь ничего не страшно. Он пережил всё.

Когда актёр наконец нашёл в себе силы заговорить, голос его звучал спокойно, без каких-либо эмоций. Он говорил

медленно, отделяя каждую фразу:

– Я так больше не могу. Ты превращаешь меня в твоего отца, но я не такой – не жестокий, – он посмотрел на изрезанную руку: синяя крупная вена была задета. – Знаешь, когда заживут раны, эти шесть рубцов будут личным напоминанием о самой большой ошибке, совершённой мной в жизни. О тебе.

– Не говори так, прошу, – сквозь слёзы произнесла она. – Я... Я люблю тебя.

– Да. Именно поэтому превращаешь меня в монстра, – он грустно усмехнулся.

– Твою руку нужно обработать. Я в аптеку.

Она вызвала такси и уехала. В его доме не было аптечки для таких случаев, да и что можно было сделать с глубокими порезами обычными средствами? Актёр сидел на диване, стараясь не шевелить рукой, и смотрел на струйки крови, которые стекали в разные стороны, пропитывали белую ткань. Он думал о том, почему не находит в себе сил сбросить с себя груз этих отношений, где давно не осталось счастья. Почему дом, который он когда-то обустроивал с любовью, теперь вызывал у него только раздражение. Почему ту, которой он когда-то клялся в вечной любви и верности, теперь ненавидел больше всего на свете. И почему продолжал нести этот тяжёлый крест? Ему необходимо было христианское наказание?

Время невыносимо тянулось. Каждая прожитая секунда

ощущалась как длинная пауза в плохо сыгранном спектакле. Он смотрел на свою руку, на неровные линии порезов и сравнивал их метками судьбы, где, вероятно, должна быть отельная графа под названием «Ошибки». Ему вдруг стало смешно от этой мысли, но смех застрял в горле и превратился в сухой кашель. Он спрашивал себя: *«Что мы сделали друг с другом? Почему та безграничная нежность, которая была в самом начале, превратилась в жестокость? Зачем мы убили любовь?»* Он не знал ответов.

Вновь ему померещился образ бабушки – единственного человека, который любил его безусловно, просто за то, что он был. Актёру не хватало её. Она ушла из жизни несколько лет назад – болезнь победила. В тот момент жизнь казалась ему несправедливой, а смерть тем явлением, которое выбивает опору под ногами, которое одновременно далеко и близко. И ты не знаешь, когда смерть сделает шаг навстречу. Смерть забирает всё, что дорого сердцу.

Конечно, он понимал, что нет ничего вечного, но бабушка прожила так мало. Ему не хватило времени, проведённого с ней. После её ухода он винил себя за то, что слишком мало внимания ей уделял, когда она готова была поддерживать его и слушать. То учёба, то работа, то личная жизнь – у людей всегда находятся весомые оправдания своего бездействия. Актёр был благодарен бабушке за воспитание в нём чуткости, за умение держать себя в обществе, за ту нравственность, что жила в нём по сей день. Что бы она сказала ему,

увидев в минуту ярости? Как бы посмотрела на него? Слёзы катились по его щекам и падали на рубашку, когда её слова прозвучали из глубины его памяти: *«Ты можешь совершать поступки, которые считаешь нужными. Только, прошу тебя об одном: не делай того, за что мне будет стыдно».*

– Если можешь, прости меня, – прошептал он сквозь сбивчивое дыхание и вытер рукавом слёзы.

В комнате пахло остывшим ужином и пылью, осевшей на коллекцию его парусников. Как же ему хотелось сбежать, просто исчезнуть из давящего на сознание города и из этой квартиры. Хотелось почувствовать себя свободным в океане – это так и осталось нереализованной мечтой детства. Это место, которое он называл своим домом, удерживало его, не давая уйти отсюда даже мысленно. Стены сжимали его разум, страх безумия сковывал виски. Актёр медленно потянулся к столику у дивана, покопался в ящике и достал памятую пачку сигарет и зажигалку. Пальцы слегка дрожали, но не от боли, а от пережитого внутреннего потрясения. Тело до сих пор оставалось в напряжении несмотря на то, что опасность миновала. Но какой ценой ему досталась желанная тишина? Он даже представить не мог, что способен навредить себе.

Актёр прикурил, глубоко затянулся и на мгновение замер, удерживая дым в лёгких настолько это было возможно. Ему нравилось, как нечто тёплое и немного горькое медленно разливалось по груди, вытесняя холод, которым было

пропитано его существо. С первой же затяжки напряжение в висках стало ослабевать. Он выпустил дым тонкой струйкой и почувствовал, как на плечи ложится приятная усталость – та самая, когда уже нет смысла притворяться сильным или подбирать маску приличия.

Актёр откинулся на спинку дивана, прикрыл глаза и с наслаждением затянулся снова. Сигаретный дым клубился перед ним, размывая очертания ненавистного пространства. В этом искусственном тяжёлом тумане мир казался менее острым. Ему нравилось почувствовать себя свободным. Пусть даже на несколько мгновений. Пока тлела сигарета.

Пепел тихо осыпался на пол, смешиваясь с ещё не успевшими застыть каплями крови, и эта пошлая деталь заставила его усмехнуться. Зачем жизнь любит смешивать высокое и низкое? Трагедию и бытовую нелепость? Он посмотрел на тлеющий кончик сигареты, на тонкую полоску пепла, готовую упасть, и был рад тому, что сейчас ему не нужно ничего объяснять, никого убеждать, ни перед кем оправдываться. Он ощущал умиротворение от того, что может сидеть, курить и смотреть, как течёт время в его пространстве, в его потоке мыслей. Это было его время. Оно не требовало ни безупречной игры, ни смертельной борьбы.

Когда дверной ключ в замке повернулся и она вернулась, он даже не сразу повернулся на этот звук. Просто выдохнул очередную порцию дыма и шёпотом произнёс, не открывая глаз:

– Вот и всё.

Кровь не останавливалась несколько часов. Раны вновь и вновь открывались, стоило ему пошевелить рукой. Его в тот вечер ещё девушка настаивала на том, что нужно наложить швы, но он не доверял ей, несмотря на медицинское образование. Обращаться в больницу в таких случаях означало подписать себе пожизненный приговор: лишние вопросы от психиатра ни к чему, а также проверки и слухи, которые могли разрушить успешную карьеру. Актёр это прекрасно понимал. Позже он придумал бы какую-нибудь легенду о том, как появились эти порезы. Но всё это будет намного позже, когда мысли перестанут путаться.

В ту роковую ночь не только ссора стала причиной плохого сна. Как ни странно, в их непростых отношениях после каждой разрушительной бури обязательно наступало примирение. И в ту ночь они были близки в последний раз. В последний раз он чувствовал себя рядом с ней одновременно разбитым и счастливым. В последний раз их тела сливались в единое целое. В последний раз они наслаждались друг другом, будто впервые. В последний раз она спала в его объятиях, и тишина, которая пугала её днём, казалась ему в те минуты невыносимой и слишком долгой. Актёр с нетерпением ждал утра, чтобы освободиться от тюремных оков.

Удивительно, что счастье и боль всегда идут рядом. Они приходят вместе в нашу жизнь и вместе уходят из неё, оставляя после себя полное безразличие. Там, куда приходит

счастье, со временем приходит и боль. И наоборот. Каждый из нас может замечать это на примере собственной жизни. Но в ту ночь он не думал об этих простых истинах. Он неподвижно лежал, прислушиваясь к её ровному дыханию, и знал: это в последний раз.

Отражение памяти – шрамы,
От них взгляд начинает тускнеть.
Пусть сквозные затянутся раны –
Я сумею от чар отрезветь.

Красота – утончённая шляха,
И высокую требует плату.
Наказание – вечная мука
На борту боевого фрегата,

Где придётся не раз умирать
На бездушной груди океана
И взаимности тщетно искать
В поцелуях сухих урагана.

Там свершится души воскресение –

В беспощадных объятиях фронта.
Там найду для себя утешение –
В отдалённой черте горизонта.

Убежать от рутины готов,
От твоих осуждающе карих...
На дне тихом оставлю любовь
И забудусь в бредовом кошмаре.

II

Наутро актёр обнаружил простынь в крови. Тёмные пятна расплылись по ткани и застыли, как застывают кляксы на бумаге. Их вид вызвал у него тошнотворное чувство какого-то постыдного и нелепого финала – затянувшийся спектакль окончен: теперь следует уйти по-английски. Он посмотрел на свою исполосованную руку и ужаснулся: раны, казавшиеся в темноте не такими пугающими, теперь предстали во всей своей непривлекательной реальности. Глубокие, воспалённые и неровные. Кое-как дрожащими пальцами он наложил бинт, стараясь не обращать внимания на то, как окрашивается белая ткань. *«Желательно не двигать сегодня рукой, – подумал он. – Но как это возможно, если играешь неуровновешенного ревнивца?»*

Его ждала ещё одна репетиция «Маскарада». По дороге в театр он поймал себя на следующем: демонический Арбенин, которого он играл, овладел его сознанием прошлым вечером, заставив переступить черту, считавшуюся нерушимой. *«Я играю злодея так убедительно, что начинаю им становиться»*, – мелькнула в голове циничная мысль, от которой стало не по себе. *«Нет, – прервал он себя. – Я не Арбенин»*.

В театре стоял лёгкий запах старого бархата и лака, которым натирали паркет. Актёр привык ловить на себе взгляды коллег и поклонников, но в этот день он старался избегать любых контактов, пряча глаза и отворачиваясь, боясь, что кто-то увидит в нём не великого актёра, а измученного слабого человека с трясущимися руками.

Единственное, о чём он мог думать, так это о том, чтобы как можно скорее наступил вечер. Ему хотелось уйти из театра, несмотря на бесконечную любовь к сцене. Сегодня ничего не приносило удовольствия. Даже текст, который он знал наизусть, казался обычным набором слов, неспособным передать ни страсти, ни ревности, ни боли, ни любви. Но вот куда идти? Вернуться домой? Мысль о четырёх стенах вызывала раздражение, смешанное со страхом. А вдруг она там? Снова ждёт как дикий зверь? Снова готова превратить тишину в поле моральной и физической войны?

Позже актёр решил, что неважно, куда идти после репетиции, главное – где-нибудь выспаться. Впереди были выход-

ные, на которые у него не было планов, и мог позволить себе пролежать в постели весь день и ничего не делать. «*На двое суток надо снять номер в отеле*», – отстранённо подумал он, но даже эта простая мысль показалась ему непосильной задачей, требующей огромных усилий, которых у него не осталось. Он сгорел заживо. Дотла. В бессмысленном бою.

Время на сцене тянулось невыносимо медленно, вязкие минуты растягивались до пределов бесконечности. Он хорошо знал свой текст, но этого было недостаточно. Сегодня его игра рассыпалась, как карточный домик, от любого движения, любого вздоха, любой фразы. Режиссёр делал замечания, чего практически никогда не случалось, и каждое его слово было ударом по сознанию актёра. Он слышал не обычное недовольство, а разочарование. Он боялся, что все вокруг наконец разглядели его истинную сущность, жестокую от собственной слабости.

И ещё эта молодая актриса, играющая с ним в паре. Она играла его жену, которую непременно нужно было отравить. Она не отводила от него глаз, и в её взгляде было столько безмолвной боли, что ему становилось не по себе. Если бы он только знал, сколько сострадания и тревоги она переживала, глядя на него. Она пыталась угадать, что сломалось в этом человеке, который ещё вчера казался ей практически божеством! Он ловил её взгляды не в силах был вынести эту незаслуженную нежность.

День подходил к концу, и театр постепенно становился пу-

стым. Звуки шагов затихали в коридорах, скрип дверей звучал всё реже, и наконец наступила особенная тишина опустевшего пространства.

В гримёрной он обнаружил бутылку коньяка, подаренную несколько месяцев назад поклонницей. Крепкие алкогольные напитки он никогда не любил, считая, что они убивают тонкость восприятия мира. Но в тот момент искренне обрадовался, что никому не подарил эту бутылку. Это было как спасение, как жёсткий, но действенный способ заглушить внутренний голос совести. Он откупорил бутылку, сделал несколько больших, обжигающих глотков, и по телу прокатилась приятная горячая волна, на мгновение притупившая душевную боль. Затем, опомнившись, он убрал бутылку обратно в ящик стола. Он знал: если выпьет больше, то не сможет остановиться. К тому же у него не было цели превращаться в алкоголика. Хватит и того, что он стал безумцем.

Актёр вновь мысленно вернулся к событиям вчерашнего вечера и только сейчас заметил на экране смартфона более ста пропущенных звонков от неё. Цифры на дисплее казались ему абсурдными: столько попыток прорваться сквозь его молчание, столько энергии, потраченной на то, чтобы вернуть его в тот мир, из которого он так отчаянно пытался вырваться. И зачем звонить? Разве она не знает, что во время работы он не разговаривает по телефону. Тяжело вздохнув и отложив телефон в сторону, он уставился в зеркало ничего не выражающим взглядом. В своей жизни он по воз-

возможности избегал своего отражения, боясь обнаружить признаки старения. Но в тот миг он видел не своё отражение, а воспроизводил сцену у стены, вспоминал её расширенные от ужаса зрачки, блеск лезвия и алые капли на полу.

В дверь тихо постучали. Звук был едва уловимым, но в звенящей тишине пустой гримёрки он прозвучал как стук судьбы: никогда не знаешь, кто или что находится по другую сторону.

Актёр холодно произнёс:

– Войдите.

И она вошла. Та самая молодая актриса...

Пока он рассказывал ей, что произошло вчера, на улице совсем стемнело. Город за окном примерил на себя тёмный плащ с тусклыми огнями, размытых дождём, который начал накрапывать примерно в середине его рассказа. Несмотря на то, что он говорил сбивчиво и упускал детали, она внимательно слушала, иногда кивая и стараясь уловить смысл каждого слова.

– Наверное, я тебя утомил, – вдруг спохватился он, очнувшись от долгого монолога. – Тебе пора домой.

– Нет, всё в порядке, – мягко сказала она, и в её голосе не было ни капли притворства. Она произнесла это так, чтобы он не чувствовал себя виноватым, чтобы не думал, что отнимает у неё время.

– Неужели тебя никто не ждёт? – спросил он, сам не зная, хочет ли слышать ответ.

Она улыбнулась какой-то светлой грустью и, ласково посмотрев на него, сказала:

– Если бы меня кто-то ждал, осталась бы я здесь с тобой?

От этих простых слов мир едва не ушёл из-под ног моего героя. Его сердце забилось сильнее, и он вдруг почувствовал, как сквозь усталость и опустошение пробивается живое чувство. Справившись с дыханием, он виновато спросил:

– Ты сможешь мне обработать руку?

– Да, – без колебаний ответила она. – Только у меня с собой нет никаких препаратов.

– У меня тоже, – глухо произнёс он.

– Если хочешь, поедem ко мне, – сказала она так, давая ему возможность отказаться. – Я живу недалеко...

Сквозь актёра прошёл электрический ток, но не убивающий, как это было вчера, а возвращающий в мир живых. И в ту секунду он понял, с кем останется этой ночью. Не из-за того, что ему некуда было идти, а потому, что впервые за долгое время он мог позволить себе быть не героем, не злодеем, не идеальным актёром, а просто человеком, которому больно.

Я любил белоснежные розы,

Но в иной цвет окрасились чувства,
День за днём приходили невроты
И во мраке пытали искусством.

Обессиленный красный гнев
Заменил я невзрачной тоской.
И бывшее, что жило во мне,
Уходило проклятой тропой.

Доносились протяжные стоны,
Отбивавшие ритм на висках,
И твой голос, небрежный и сонный,
Потерялся в зыбучих песках.

Всё течёт бесконечной рекой,
Жаль, что не всё меняется –
Человек остаётся собой,
От отчаянья в пропасть бросается.

Никогда я не жаждал небес,
Ежедневно спускаясь в Ад.
Говорят, у всех – тёмный лес,
У меня же – заброшенный сад.

Ш

Её квартира располагалась в том же районе. В квартале, где старые пятиэтажки постепенно становились незаметными, как актёры второго плана, по сравнению со стремящимися ввысь новостройками. В такси оба терялись от столь спонтанного решения. Актёр избегал прямых взглядов на свою спутницу, смотрел в окно, где огни города превращались в размытые полосы. Боялся заговорить: слова казались ему слишком неуместными и пустыми, неспособными передать ни радости, ни смущения. Его не покидало чувство, будто он школьник, идущий в первый раз на свидание. Неуклюжий. Взволнованный. Не знающий, куда деть руки. Эти мучения длились не более десяти минут, но каждая минута тянулась, как сценическая пауза, во время которой он забыл свой текст и ждал подсказки суфлёра.

Они вошли в подъезд нового многоэтажного дома, который ещё не успел впитать в себя чужие бытовые трагедии. Лифт мягко, почти бесшумно поднял их на шестой этаж. Дверь квартиры номер шестьдесят два открылась с лёгким щелчком, и актёр вдруг ощутил, как тепло этого места, тихое и домашнее, разбегается по всему телу, выталкивая усталость прошлой ночи.

Это была небольшая студия, но в ней не было ощущения

тесноты и замкнутости. В дальнем углу комнаты он заметил аккуратно сложенные стопки книг. Они лежали там не ради красоты, а потому что их читали: корешки были потрёпаны, некоторые страницы загнуты на углах. На подоконнике стояла чашка с утренним чаем. На спинке стула актёр заметил вязаный свитер. От этого пространства веяло такой спокойной жизнью, что у него на мгновение защемило в груди от того, что он не сумел сделать своё пространство таким, чтобы в него хотелось возвращаться, а не бежать от него как от средневековой чумы.

Девушка предложила ему расположиться у барной стойки, пока искала бинт и мазь. Её движения были быстрыми, но не суетливыми, ведь она знала, где что лежит.

– Заранее извини, если будет больно, – предупредила она, доставая из шкафчика коробку с медикаментами.

Актёр улыбнулся, и эта улыбка вышла настоящей. Той самой, которую она успела полюбить задолго до сегодняшнего дня.

– Думаю, тебя я смогу за это простить, – ответил он мягким тоном. – И ты меня тоже прости за то, что тебе приходится это делать.

– Я не против, – сказала она, поднимая на него глаза. И он вновь смутился, но на этот раз не от неловкости, а от того, как спокойно и прямо она смотрела на него. Сейчас она видела не знаменитого актёра, не любимца ярких городских афиш, а обыкновенного человека, которому нужна помощь.

Этот вечер был одним из лучших. Они разговаривали ни о чём и обо всём сразу: о снах во сне, о литературе, о страхах, которые преследовали в детстве и которые сопровождают сейчас. Актёр не чувствовал пропасти непонимания, в которую ему приходилось падать при разговорах с отцом. Рядом с ней ему было легко и спокойно говорить. Возможно, от количества выпитого. Или от бесконечного количества выкуренных сигарет. Или эти чувства разбудила она. Он терялся в догадках, но в целом всё было неважно. Он говорил, не подбирая слов и не боясь ошибиться, не боясь сказать что-то неправильное.

Его не покидала мысль о том, что он дома, что завтра утром он будет здесь. И послезавтра. И через месяц. И через год. Мысль была настолько яркой, желанной и в то же время юношеской, что он испугался её смелости и наивности.

– О чём ты думаешь? – спросила она, присаживаясь на край высокого табурета и поджимая под себя ноги.

Он прервал свои размышления и ответил скороговоркой:

– Да ни о чём... – и так же быстро прибавил: – Мне нравится у тебя находиться. Здесь много книг.

– А если бы у меня не было книг, то тебе бы не нравилось? – в её фразе скользнули едва уловимые нотки флирта, и сердце его забило быстрее, как перед выходом на сцену, когда зал ещё тёмный, но ты уже чувствуешь его дыхание.

Справившись с волнением, он ответил:

– Конечно, нравилось бы. – Он хотел прибавить, что и она

ему очень нравится. Но нужные слова, тяжёлые и неловкие, застряли где-то в горле, и он не смог их выговорить.

Чтобы немного собраться с мыслями, он встал и подошёл к книгам. Вытащил из стопки первую попавшуюся и начал листать шероховатые страницы.

– О, «Тёмные аллеи», надо же... – произнесла она.

– Что такое?

– Помню, когда в первый раз прочитала эту книгу. Мне было пятнадцать. Я приходила каждое утро на аллею, искала уединённое место и в тени деревьев читала этот сборник рассказов.

– Достаточно романтично.

– Меня потрясла эта книга, – она улыбнулась, и в этой улыбке было столько светлой грусти, что ему захотелось обнять её и одновременно ничего не делать, просто стоять и смотреть, чтобы не нарушить этот откровенный момент. – Там столько боли и столько красоты в этой боли...

– И мне она нравится, – тихо сказал он. – Возможно, Бунин прав: чтобы сохранить любовь, нельзя вести совместный быт. Когда любовь трагична, тогда она прекрасна и вечна.

– Вот это действительно звучит романтично, – она чуть нахмурилась, будто прислушиваясь к собственным ощущениям. – А с другой стороны – невыносимо больно.

Он удивлённо поднял брови:

– Почему?

– Неужели ты не понимаешь? – она посмотрела на него

так, пытаясь передать ему что-то без слов, одним только взглядом. – Трагичная любовь – это всегда про разлуку, про предательство, а в некоторых случаях про смерть. Про то, что ты любишь и не можешь быть вместе с тем, кого любишь, по самым разным причинам. А я не хочу такой красоты, – она замолчала на несколько секунд и, переведя дыхание, продолжила. – Я хочу обычного счастья: чтобы кто-то ставил чайник, когда я прихожу с работы, чтобы мы спорили, какой фильм смотреть, чтобы ссориться по пустякам и мириться, чтобы всё это было не ради драмы, а просто потому, что мы живые люди.

Эти слова ударили в самое сердце, но не грубо. Актёр вдруг увидел себя со стороны: человека, который годами жил на контрастах, принимал только крайности, ненавидел ожидания и искал в отношениях ту самую бунинскую трагедию, веря в то, что только такая любовь и есть настоящая. А она предлагала ему нечто совсем другое – земное счастье, в котором не нужно примерять на себя роль бесстрашного героя или христианского мученика. В этом счастье можно тихо любить.

Она коснулась ладонью его щеки – земля ушла из-под его ног. В этот момент он точно падал в преисподнюю или поднимался в рай. Чувство было неопределённое, острое, сравнимое со вспышкой света, которая мгновенно ослепляет привыкшие к темноте глаза, а затем оставляет после себя ясную картинку. Она смотрела на него с нежностью, и он поду-

мал: если не сейчас, то никогда. Актёр немного наклонился и нежно поцеловал её в губы не как тот, кто играет страсть, а как человек, который наконец-то вспомнил нужные слова и сказал их губами, потому что не смог по-другому.

Та ночь пролетела быстрее предыдущей, почти незаметно, как сцена, сыгранная на одном дыхании. Наутро они с грустью прощались друг с другом у двери, будто оба знали, что за порогом их ждёт целый мир, который будет пытаться их разлучить.

– Что будет дальше? – спросил он, держась за ручку двери.

– Я не знаю, – она вздохнула, и этот вздох не был наполнен драмой. – Но скажи, что ты ко мне чувствуешь? Ведь если ты любишь другую, я так не смогу. Мне не хочется быть актрисой второго плана, твоим запасным вариантом.

– Я влюблён в тебя, – он сказал, глядя ей в глаза, и верил, что говорит чистую правду, без оговорок и самообмана. – Ты давно мне нравишься, но я не думал, что эта симпатия взаимна. Если бы любил другую, не провёл бы ночь с тобой.

– Ты ей расскажешь?

– Конечно, – он сжал пальцы в кулак, чувствуя, как под кожей натягиваются нервы. – Только дай мне время. Мне нужно подобрать слова, чтобы не сделать ещё большее, чем я уже сделал.

Сказав это, он попрощался и закрыл за собой дверь. Душа была полна смятения. Она превратилась в сцену после спектакля, когда декорации ещё не убрали, но актёры уже разо-

шлись, и непонятно, что делать с этим пространством, где несколько часов разворачивалась жизнь: разбирать или оставить как память. Он не знал, как будет объясняться с той, с кем было столько планов, которые придётся похоронить. Когда-то он поклялся быть верным до самого конца, но и она обещала, что даст ему спокойную жизнь. Выходит, теперь они в расчёте. Он сделал то, что считал нужным. Несмотря на поступок, полностью расходившийся с его прежними убеждениями, актёр чувствовал, что его жизнь отныне будет меняться к лучшему. Не потому, что всё в одно мгновение станет легко, а потому, что он вновь начнёт жить по собственному выбору, а не по чужому сценарию.

Введи мне любовь внутривенно,
В днях серых душа заскучала.
Ты видишь, на снимке рентгена
Пробитые лёгкие сжало?

Один современник заметил,
Что это есть орган любви.
Останься со мной до рассвета,
Мгновение вспять поверни.

Давай всех вокруг позабудем,
Я прошлую жизнь прогоню,
Что может быть лучше наутро
Негромких: «Тебя я люблю»?

Щемящую грусть разорвал –
Таков неизбежный удел.
Другой – из поэтов – сказал:
Всему наступает предел.

Развитие действия

I

Когда актёр вернулся домой, к своему удивлению, не обнаружил признаков присутствия кого-либо. Квартира встретила почти враждебной тишиной. Такой тишиной, какой здесь никогда не было, даже в то время, когда он задерживался на репетициях до глубокой ночи. Он медленно прошёл по квартире, вглядываясь в детали: приоткрытая дверца шкафа и пустые полки, отсутствие женских туфель у порога. Она собрала свои вещи и исчезла, ничего не сказав. Не оставила записки. Не написала сообщения. Даже не звонила с прошлого вечера. Всё это ему показалось странным и на неё не похожим, ведь она всегда, даже в моменты самых длительных ссор, оставляла какой-то мостик по типу колкой фразы в мессенджере для того, чтобы они могли по этой ниточке прийти к примирению. А сейчас была пустота. И эта пустота пугала его больше, чем любой пережитый скандал.

Прошло несколько дней. Иногда она давала знать о себе с помощью коротких сообщений: *«Всё в порядке»*, *«Не пере-*

живай», «Мне нужно время». Никаких объяснений, никаких намёков на то, где она и что чувствует. Несколько дней он не находил себе места. Его тревожил сам факт её отсутствия. Не боль и не обида, а пугающая неопределённость, подвешенное состояние, которое не давало мыслить ясно. Она просто ушла из его реальности, будто не было трёх лет отношений.

Скучал ли он? Вероятно. Между ними были не только ссоры. В первую очередь их связывали общие взгляды на жизнь, общие темы, общие стремления. В один миг всё это исчезло. Ему нравилась её спонтанность. Он вспоминал, как она могла приехать без предупреждения в любое время суток – просто потому, что ей захотелось его увидеть. Вспоминал их долгие разговоры – они умели говорить часами напролёт. Говорить, чтобы слышать друг друга, а не для того, чтобы сказать что-то важное. Важно было наличие самих разговоров, а не их содержание.

Актёр был благодарен ей за то, что она не оставила его в тяжёлую минуту утраты. Она была рядом и поддерживала так, как умела. А после начались ссоры с новой пугающей силой. Казалось, они уничтожают друг друга всеми известными способами. Она всегда умела объяснить своё поведение жадной вниманием. Несмотря на то, что всё своё свободное время он всецело посвящал ей, этого было недостаточно: *«Мне всегда будет мало тебя»,* – часто повторяла она. Эта фраза означала стремление захватить его полностью: тело, душу, мечты и планы. Весь он должен был принадлежать ей.

Ни с кем не говорить, кроме неё. Не ходить на работу. Поначалу он думал, что за этими словами ничего серьёзного не скрывается, что произносит она их абстрактно. Но чем дольше они были вместе, тем болезненнее для неё были его выходы из дома.

В сообщениях глупо было выяснять отношения, а тем более говорить о том, что провёл ту ночь с другой. Как и последующие ночи.

Они продолжали встречаться у неё в квартире, но он старался не задерживаться. Вдруг та, другая, всё-таки решит его навестить? Он ловил себя на том, что каждый раз, выходя из подъезда, оглядывался, ожидая увидеть знакомый силуэт. От этого каждая тайная встреча была наполнена и счастьем, и тревогой.

После двух недель тайных свиданий они наконец договорились сходить на настоящее. Без оглядки. Без спешки. Без необходимости постоянно смотреть на часы. Встретились в ясный день в центре города, когда солнце не уничтожало всё живое, а лаково заключало город в свои объятия. Они гуляли по главной улице, не обращая внимания на прохожих. Она шутили и смеялись. Они делились друг с другом самыми нелепыми воспоминаниями юности. В какой-то момент актёр взял её за руку, и это лёгкое движение показалось ему самым правильным в его жизни. Он понял, что наконец нашёл ту самую точку опоры, которую безуспешно искал годами.

Когда они сидели в кафе, актёру пришло сообщение от другой. Экран телефона вспыхнул на столе – в душе раздался пронзительный сигнал тревоги. Она предложила расстаться по-хорошему, без сцен и упрёков, как взрослые люди. Он ответил коротко: *«Да, наверное, так будет лучше для нас обоих»*, стараясь вложить в эти слова не облегчение и освобождение, а хотя бы каплю сожаления. Однако тревога только усилилась. Почему она написала именно в этот момент? Может быть, она сейчас следит за ним? Всё поняла? Видела, как он смеётся, держа за руку другую? На эти вопросы он не нашёл ответов, и от этой неизвестности по спине пробегал неприятный холодок. Отогнав от себя дурные мысли, он постарался сделать этот день одним из лучших, проведённых рядом с новой возлюбленной. Он смотрел на неё так, будто хотел навсегда запечатлеть в памяти каждую чётточку её лица.

С этого дня она в его жизни была единственной, но последней ли? Ему хотелось сделать всё возможное, чтобы их счастье длилось бесконечно. Если до её появления в его жизни он мог без романтического интереса общаться с другими девушками, флиртовать, принимать подарки и комплименты, не придавая им значения, то теперь его ничего более не интересовало, кроме неё. Что она делает прямо сейчас? Что чувствует, когда думает о нём? Готова ли разделить с ним всё на свете: и безмятежные вечера, и тяжёлые дни, и даже те минуты, когда он сам себе казался невыносимым? По мере их сближения он открывал ей свой внутренний мир:

рассказывал о более глубоких страхах, которые прятал даже от самого себя, о сомнениях в своём таланте, о том, как порой ненавидит сцену и как без неё не может дышать, о своей обиде на отца и о невозможном желании увидеть бабушку. Рядом с молодой актрисой он перестал чувствовать себя потерянным. Она давала ощущение стабильности и уверенности в будущем, то есть всего того, чего у него не было в жизни, того, что он безуспешно пытался найти в безумном романе, в работе, в попытках быть для всех хорошим, таким, каким его желали видеть. Он нашёл свой покой. Она была его смыслом. Она была его счастьем.

Однажды они обсуждали его любимую книгу, и он, глядя в окно, где по стеклу медленно стекали капли начавшегося дождя, тихо произнёс:

– Знаешь, какая у меня мечта? Сыграть мастера. Ты будешь моей Маргаритой?

– Тайной женой и злой ведьмой? – улыбнулась она, чуть склонив голову.

– Нет, – он повернулся к ней, и в его глазах было столько нежности, что ей на мгновение стало трудно дышать. – Любовью всей моей жизни.

– Мне бы хотелось, – тихо ответила она, накрывая его руку своей.

Они предавались грёзам о совместном будущем. Они представляли, как будут жить в небольшом доме с высокими потолками, как по вечерам он будет читать ей вслух, а она

будет засыпать у него на плече, не дослушав главу. Он видел их старость: седые волосы, тёплые пледы, долгие разговоры у камина, где уже не нужно ничего доказывать друг другу. *Мог ли он знать тогда, что судьба распорядится иначе? Думал ли он, что минуты, проведённые рядом с ней, не бесконечны? Конечно, нет.* Актёр был слишком влюблён, и подобные мысли не посещали его. Он искренне верил, что счастье, которое он наконец обрёл, будет длиться вечно, потому что оно было таким настоящим, таким выстраданным, что казалось, сам Бог послал его как награду и никогда не посмеет отнять. *Ещё одна игра жизни заключается в том, чтобы предоставить видимую стабильность, а потом в самый неожиданный момент выбить эту опору из-под ног.*

Не может быть вечной боль —
Душа устаёт страдать,
Она начинает игрой
Внутри пустоту заполнять.

Стремительно жизнь проходит,
А образ шута и глупца
Своё отраженье находит

В безумном лице близнеца.

Забытый актёр и затворник,
Чьи шутки толпе неясны,
В дождливый, безрадостный вторник
Реальностью делает сны.

Кошмаром он в город войдёт
С улыбкой кровавой и жуткой,
Как Бог, за собой поведёт,
Лишившись в итоге рассудка.

Увидит ли кто человека
В садисте и психе-убийце?
Для многих – моральный калека,
Другие кричат: «Кровопийца!»

А кто-то потребует доктора,
Побольше «здоровых» вакцин –
Для каждого странного Джокера
Найдётся св

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.